

Александр Графов

О хирурге

Хирурга жизнь — совсем не мёд

Александр Графов
О хирурге. Хирурга
жизнь – совсем не мёд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424614

ISBN 9785448300905

Аннотация

Рассказы хирурга о былом, пережитом. Александр Кимович Графов работает хирургом более 40 лет. Он прошел путь от рядового ординатора до профессора кафедры.

Содержание

Предисловие	5
Беседы в ординаторской	8
История одной фотографии в газете	8
Интернатура. Монолог...	17
Разговор со старшей медсестрой	21
Вся истина в спирте	25
О жёнах...	30
«Кладбище» хирурга	33
О старых хирургах...	36
Цветной слух	40
6 граммов в сердце...	46
Возлюбил проклятие, – оно и придет на него...	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

О хирурге
Хирурга жизнь –
совсем не мёд
Александр Графов

© Александр Графов, 2016

Редактор Альфрид Изатулин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ГРАФОВ АЛЕКСАНДР КИМОВИЧ, ПРОФЕССОР,
Д. М. Н., ВРАЧ ХИРУРГ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ**

Предисловие

Своими записками о хирургии профессор Александр Ки-мович Графов практически сбивает неподготовленного чи-тателя с ног, а студентов лечебного факультета, тех, кто пла-нирует посвятить себя профессии хирурга, пугает! Таково первое впечатление после прочтения.

Следует ли так называемому неподготовленному читате-лю узнать все про обратную сторону работы хирурга?

Этот вопрос неоднократно и безрезультатно обсуждался в средствах массовой информации. Наши друзья журнали-сты, как правило, пишут только про поверхностные, или как они выражаются, социально-значимые моменты. Либо про светил хирургии:

– Профессор вышел из операционной, вытер пот со лба и сказал: больной будет жить!

Либо про ошибки хирурга, причем во втором случае очень охотно, брызгая слюной.

Однако, в отличие от газетных статей и роликов на ТВ, книга о работе хирурга, написанная практикующим хирур-гом будет весьма интересна и для не медиков! Ибо изложена профессионалом.

Для будущих хирургов эти записки имеют значение на-путствия отца своим сыновьям. При этом не следует забы-вать, что стезю хирурга мы выбираем добровольно!

Записки написаны понятным, практически безукоризненным языком. Особо следует подчеркнуть: автор пишет и о своих учителях, тех, кто стоял у операционного стола за спиной ученика.

Тематика каждого рассказа это жизненный случай, трагичный или оптимистичный по исходу.

Впрочем, каждый врач, будь он специалист хирургического или терапевтического профиля, имеет в своем прошлом такой же груз памяти. Это и есть наша профессиональная жизнь! Все это правда!

Уверен, книга будет иметь успех!

Военный хирург в отставке, к. м. н., член Российского союза писателей Альфريد Фаридович Изатулин

О хирурге

Хирурга жизнь – совсем не мёд.

Ведь час распятия грядёт.

И – словно смерклось на земле.

Остался маьчик на столе...

Я отдал всё. Я изнемог.

Но уберечь его не смог.

И вот бреду, не видя дня.

За что – его? За что – меня?

Кто это сделал – дьявол, Бог?

Зачем мне скальпель в руки лёг?!

Мне свет не мил. Мне мерзко жить.

Мне не с кем горе разделить.

Ни сил, ни слов, ни мнений нет.
Но я иду держать ответ...
Иду туда, судьбу кляня,
где ждут родители меня.
Стекло. За ним они стоят.
Я открываю двери в Ад...

*профессор Самарского государственного медицинского
университета Виктор Петрович Поляков*

Беседы в ординаторской

История одной фотографии в газете

Недавно на телеканале «Дождь» услышал очерк Алёны Долецкой о своём отце С. Я. Долецком. Это короткое эссе для непосвящённого зрителя дань памяти, любви и уважения дочери к своему отцу. Всё сказано очень корректно в интеллигентной форме, без намёка на знаменитость и профессиональную значимость С. Я. Долецкого, как учёного, академика, детского хирурга, Учителя для многих хирургов бывшего СССР.

Передо мной вырезка из газеты «Орловская правда» за июнь 1973 года ко Дню медицинского работника. На фотографии профессор С. Я. Долецкий и врачи интерны Орловской областной больницы, на которой я, молодой хирург-интерн, запечатлён рядом со Станиславом Яковлевичем. Надо сказать, что это были одни из первых выездных курсов усовершенствования врачей, проводимых кафедрой детской хирургии Центрального ордена Ленина института усовершенствования врачей. До этого работники кафедры провели выезды в г. Фрунзе, г. Сухуми, г. Душанбе. Обучение вели две группы учёных. Первую группу возглавил профессор Виктор Васильевич Гаврюшов. Вместе с ним прие-

хали доцент Виктор Павлович Киселёв и ассистент Алексей Борисович Окулов. Их сменили профессор Станислав Яковлевич Долецкий, доценты Ирина Антоновна Королькова, Валерий Михайлович Балагин.

Это уже история, но надо сказать, обучение в то время воспринималось врачами в буквальном смысле. Посещаемость курсантами была 100%, плюс приходили на лекции свободные от работы врачи всех специальностей. Маленький лекционный зал областной больницы не мог вместить всех желающих, не хватало мест, приносили стулья, сидели по двое. Тишина, слышно каждое слово лектора, все что-то пишут, потом диспут, ответы на вопросы, решение ситуационных задач, обсуждение и т. д. Теперь другие времена, другие учёные, да и врачи не те. Нет того азарта, простоты, честности, может быть того таланта, самоотверженности, увлечённости.

Все ждали приезда Станислава Яковлевича Долецкого. Что я знал в то время о детском хирурге С. Я. Долецком? Читал его монографии: «Паховые грыжи у детей», «Диафрагмальные грыжи у детей», «Двухтомник по детской хирургии в соавторстве с Ю. Ф. Исаковым», «Гнойно-воспалительные заболевания новорождённых в соавторстве с А. И. Ленишкиным». Заведующая отделением детской хирургии Орловской облбольницы Нона Тимофеевна Назарова, знавшая Станислава Яковлевича лично, сказала, что его жена известный хирург-онколог Кира Владимировна Даниэль-Бек.

Лекция. Читает профессор С. Я. Долецкий. Полон лекционный зал. Быстро входит мужчина среднего роста, лет за 50, с залысынами на голове, полон энергии, жизнерадостный, излучающий какой-то тёплый свет и начинает рассказывать об остром аппендиците у детей. Никаких текстов у него нет, просто ходит между рядов и говорит. Как это всё записать? Видя нашу растерянность, говорит – мою лекцию можете не записывать, а что будет особо важным, я вам продиктую. Прошло почти 40 лет, я помню эти важные замечания: **«Операции у детей требуют принципиально других мануальных навыков»**, **«Динамическое наблюдение за ребёнком – это не записи в истории болезни через каждый час, а время для дополнительного обследования»**, **«Без нужды не оперируйте детей по ночам, не тащите в операционную, ткнув спросонья палец в живот»**, **«Возможности детского организма беспредельны – помогайте ему, а не лечите»**, **«Марлевый тампон в брюшной полости у детей – очень плохо»**, **«Не ампутируйте ногтевые фаланги у детей при открытых переломах, а делайте ПХО»**, **«Не начинайте общее обезболивание у детей, не поставив зонд в желудок»**.

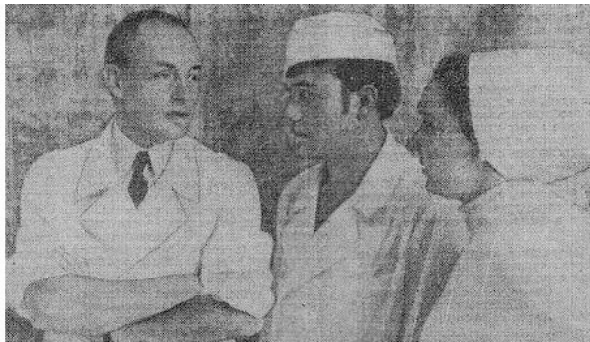
Показательные операции проводились в Орловской областной больнице и в городской больнице скорой помощи им. Н. А. Семашко, где в то время было детское хирургическое отделение. Курсантов и врачей, желающих посмот-

реть, как работают учёные, собиралось так много, что ни одна операционная не могла с этим справиться. Бралась подставка, размещались по росту за спиной ассистента, ну а помыться с профессором С. Я. Долецким было пределом всех мечтаний. Нам молодым оставалось смотреть из-за спин, ожидая в любой момент, когда старшая операционная сестра возьмёт за рукав халата и бесцеремонно удалит из операционной за то, что у тебя нет сменной одежды, не та маска, нет бахил и так далее. Причин найдёт очень много, возражать бесполезно. Поэтому нам оставалось видеть руки оперирующего, слышать как подаются в руку, с лёгким шлепком инструменты, да комментарии по ходу операции. Бросается в глаза лёгкость в работе рук, нет крови на перчатках, уверенность, чёткость, слаженность и ещё, что-то непонятное. Слышу рядом реплику – Не работает, а играет. Virtuoz! Много позже, сделав много тысяч операций, увидев, как оперируют очень, и не очень известные хирурги, понял – это была музыка. Операционный стол, пациент, руки хирурга, музыка, Космос. Рояль, руки пианиста, музыка и Космос! Души наши в Космосе, но у пианиста они возвращаются обратно, у хирурга одна может там остаться. Дай Бог, чтобы было как у пианиста. Мажор не переходил в минор. Дай Бог! И кто скажет, что хирург не пианист? Кому легче? Аплодисменты, или тихо «Спасибо за работу» и тишина, жужжание дыхательного аппарата, суета анестезиолога. Возвращение души.

Раннее лето, суббота (тогда по субботам работали), вече-

реет. Мы на скамейке перед областной больницей пьём портвейн за 2 рубля, 37 копеек. Бутылки 3 по 0,75 на 5 человек, батон, стоят в портфеле. Два стакана взяты из общежития у входа в областную больницу. Болтаем, спорим, веселимся. Обсуждаем, где купить модные в то время монографии. Малле-Ги «Синдром после холецистэктомии», К. С. Симоняна «Перитониты», Г. А. Баирова «Неотложная хирургия у детей». Выпив по стакану, начинаем спорить о том, какая основная песня в последнем альбоме «Битлз» – Come Together (Будем вместе) или Let it be (Да будет так) Джона Леннона. Спор ничего не разъяснил, все остались при своём мнении, решили, следующий раз пойдём слушать диск. Потом вспоминаем Владимира Высоцкого, Булата Окуджаву, Александра Городницкого и всех до Евгения Клячкина. Ещё не поём, кондиция не та, да и больница рядом. После второго стакана спор и разговоры прогнозируемо перешли бы в известное русло, но неожиданно подошёл Станислав Яковлевич. Мы затихли. – Отдыхаете после трудового дня? О чём спорите? Рассказываем. И вдруг он задаёт вопрос – А что Вы читаете из художественной литературы? Перечисляем сообщая: Эдгара Алана По, Проспера Мериме, Эриха Марии Ремарк, Стефана Цвейга, его популярную тогда вещь «24 часа из жизни женщины», Александра Солженицина «Один день из жизни Ивана Денисовича», что-то ещё, но не помню. Станислав Яковлевич рассказывает о своей книге «Мысли в пути». Как он её задумывал писать, когда ехал в поезде, как наблюдал

за поведением современной молодёжи, своими детьми. Он участвовал в освобождении Орла во время ВОВ, его госпиталь находился где-то под Мценском. Вдруг Станислав Яковлевич раскрывает свой дипломат, достаёт бутылку коньяка, просит стаканы. Распиваем её с большим удовольствием уже на шестерых, закусываем крошками батона и, довольные собой, и всем на свете, расходимся.

Потом мы неоднократно встречались со Станиславом Яковлевичем на различных съездах, конференциях. Он читал лекции на секциях по детской хирургии, я слушал лекции по гастрологии. В перерывах, когда все собирались в фойе, он непременно меня узнавал, подходил, здоровался, спрашивал: «Как работа?». Что я мог ответить академику? Работаю, и без комментариев. Для хирурга «работаю» – значит уже неплохо, от дела не отошёл, не сломался. Хотя с го-

дами понимаешь, что хирург постепенно выгорает. Не как свеча, а внутри, когда оболочка ещё цела. У разных это происходит по разному, кто быстрее, а кто-то ещё тлеет. Не всем дано от Бога гореть ярко как Учитель.

Молодость, начало профессиональной работы, лекции знаменитого академика, первые самостоятельные операции, стремление на кого равняться оставляют неизгладимые впечатления на всю жизнь.

Оноре де Бальзак в «Обедне безбожника», посвящённой своему другу Огюсту Борже, размышляя о трагической жизни знаменитого французского хирурга Депенна, написал дословно: «Слава хирургов напоминает славу актёров. Они существуют, лишь пока живут, а после смерти талант их трудно оценить. Актёры и хирурги, а также впрочем, великие певцы и музыканты, удесятеряющие своим исполнением силу музыки, все они герои одного мгновения». Прав ли был писатель? Сто, тысячу раз неправ. Да, судьбы хирургов у большинства непростые, сложные, часто трагические, но они остаются в памяти, пусть не у народа, учеников. От них – другим ученикам, ещё ученикам и так бесконечно. О хирургах мало пишут, плохо говорят, часто забывают даже пациенты, которым оказывалась хирургическая помощь. Нет передач по телевидению, а если что и показывают, то ерунду, внешний блеск, непрофессионально и глупо. Вот был Виталий Вульф, была передача «Мой серебряный шар». Нет его – нет и передач в телеэфире. Не так это просто говорить

о творческих людях. Нужен талант, такой же, как у актёра. Нужно любить творчество актёра. А кто любит хирурга? Нет среди медиков своего Виталия Вульфа. Будем ждать.

Прошло много лет, по хирургическим понятиям, почти жизнь. Роль Учителя всё возрастает. Как он был прав. Невольно вспоминаешь древнегреческий миф. Дедал, Ариадна, её возлюбленный Тезей, путеводная нить, лабиринт. Нам наши Учителя дают в руки эту нить. Мы идём по ней порой тяжело, порой останавливаемся, но не выпускаем из рук. Вкладываем её в руки своим детям, ученикам и вновь идем. Куда? Становится светлее, легче дышать, нить натянута, дети и ученики следом. Всё в порядке. Лабиринт пройден, клубок впереди. Ты его пока видишь, потом он исчезает, но нить тянет. Вверх, уже... вверх. Темнеет, нить как струна, тихая музыка и Космос. К душам, которые ты там оставил и где твой Учитель. Страшно? Ты работал, стремился не подводить своего Учителя. Не всегда получалось? Так бывает. Но тебя предупреждали? Я не Бог. А Учитель? Подобен Богу. Вечная память. Вечная память. Вечная пам..м..ять.

Операция...

Две пары глаз. Без тени свет.

Ночь на дворе и тишина.

У операционного стола.

Я, он и опермедсестра.

Скажи – Ну кто его принёс?

Мы, что грешны, как сто чертей?
А в ране кровь. Отсос. Тампон.
Зажим... подай быстреей.

Всевышний! Видишь нас?
Давленье на нолях.
Наверное, забыл, на НЕБЕСАХ
Запутавшись в делах.

Да, грешен я, чего скрывать.
Прости. Но все грехи на мне.
Прошу, не злись. Дай сил ему,
А мне потом. И опермедсестре.

А. К. Графов 1997 год.

Интернатура. Монолог...

Марк Борисович, я не пойму, Вы пьяный или всегда так ходите? За стену почему держитесь? Вон Сергей Сергеевич (главный хирург области) как огурец. Ещё и девок молодых щупает.

Марк Борисович (уролог, зав отделением областной больницы)

– Сашка, вот я еврей. Да, еврей! А вот спроси Сергей Сергеевича Иванова, кто он по национальности? Жид, чистый жид. Какая у него настоящая фамилия? Знаешь? Нет? Я тебе две бутылки коньяку дам, спроси.

– А зачем это мне нужно.

– Вот и не хера знать. Много будешь знать, скоро состаришься.

Начинает плакать и всерьёз.

– Я инвалид..., детства. Полиомиелит. До 12 лет на жопе ползал. Война. Мать меня на плечах несла. Уходили из Винницы от немцев. Она тащит меня, плачет, и я, наверну плачу. Она падает в грязь, и я, мордой в лужу. Дети рядом с родителями за руку идут, а я у матери на шее. Вижу, Сашка ничего ты не понимаешь. Трудно тебе это понять.

Плачет, слёзы по щекам.

– А как я учился в школе? Мать меня на тачке каждый день в школу возила, потом несла, на парту сажала и шла

на работу. До 5 класса! Уроки закончатся все бегут домой, а меня в коридоре посадят, вторая смена пришла, и я жду мать. А работали до 8 вечера. Я уроки делал на полу. Жалко мать. Мне сосед, еврей сапожник, пошил обувь специальную. Что сейчас делают в мастерских ортопедии – херня. Этих ботинок мне на год не хватает. И я стал на костыли. Сашка, из-за любви к матери. Она рано умерла и я знаю, что виноват я. Тяжело ей было, очень тяжело. И в мединститут меня взяли потому, что я инвалид. А наша семья все портные... Война, никого не осталось. Мать меня спасла.

Заходим в его кабинет. Продолжает плакать.

– А ты знаешь, что меня после института в твой сраный Болхов распределили.

– Знаю Марк Борисович.

– Так вот я туда добирался почти сутки. Приехал вечером, переночевал в санпропускнике и к главному. Сажу на порожах, жду. Идет, я еле встал. Говорю ему – Приехал в Вашу больницу по распределению. Он мне – Жидов тут только не хватало. И проходит мимо. Сука...! Я 5 дней сидел у него под дверями. Хорошо, что девчата из кухни подкармливали. Только через пять дней он позвал меня в кабинет. На бумажке написал приказ о назначении меня главным врачом Гнездиловской больницы. Сказал – Главная сестра больницы приехала на телеге за лекарствами. Иди, довезёт.

– Марк Борисович, но в Болхове все хорошие врачи были евреи – Шухгалтер, Брейтфус, Экман, Ланских, Высоков-

ский. Вам то, что обижаться? Заслуженного врача получили, орден Трудового Красного Знамени...

– Сашка, ты не путай хер с гусиной шеей!!! Я ЗАРАБОТАЛ, а вот Сергей Сергеевич, орден Ленина, заслужил. А это две большие разницы. Ты в Одессе был?

– Нет.

– Тогда не подъёбывай меня. Понял? Высоковскому тоже дали орден, он заработал. Мы вместе получали и Ланских, и Экман. С Шухгалтером и Брейтфус дело тёмное...

Открывает тумбочку, достаёт початую бутылку конька и две рюмки. Наливает, себе полную.

– Я не хочу

– Хватит целку строить. Я про вас интернов всё знаю. И про вино и девок... Небось, не щупаете как Иванов.

Выпиваем.

– А родителей твоих я знаю. Мать твою лечил здесь в отделении, у отца рану смотрел. Остеомиелит. Твой отец квартиру получил?

– Нет, живут в жековских бараках.

– Вот. Отец воевал, мать была в концлагере. А квартиру шиш!!! А мать твоя местная, дом разбомбили, а теперь угла не найдёт. Сашок, ты русский, я еврей и я тебя буду учить хирургии. И бойся жидов. И никогда не доверяй тому, кто носит галстук, очки, кальсоны и не выпивает. От них все беды происходят. Ленина читал, работы конспектировал, мотай на ус. Страшные времена и страшные дела...

Отрезвел, не плачет.

– Херовую тему ты завёл. Расстроился я. Как мать вспоминаю, плачу. Ну ладно. Ты Поротного читал?

– Нет.

– Доставай тетрадь, я тебе расскажу про аденому лучше, чем там написано, а завтра ты моешься со мной на операции.

– Спасибо.

Коллеги, пересказ почти дословный. За изъяны речи извините.

Я бесконечно уважал этого человека, врача. Знал, обращай в любое время, получу кучу мата, но он сам придет, поможет. Бесценные люди. Жаль, их уже нет с нами. Марк, я тебя помню... ты слышишь?

P.S. А Главного хирурга звали Самуил Самуилович...

Разговор со старшей медсестрой (90-е годы)

Сижу в кабинете, пишу истории болезни. Забегают старшая медсестра.

– Заведующий (в голосе издевательские нотки)! Виктор Павлович (ординатор хирургического отделения) не вышел на работу!!! Запил..., опять..., третий раз за этот год, а прошло только 8 месяцев. Мне ставить прогулы в табель? Это на неделю, уж точно, пока не очухается. Куда смотрит его жена? Не знаю...

– Ну и куда смотрит? Сходи домой, спроси.

– У самой такой же алкаш. Так я его, как запивал, сразу в наркологию и сульфозинчик... Быстро до памяти доходил.

– И чем ты хвастаешься? Где твой мужик сейчас? Скажи...?

Задело, начинает психовать. Вижу по глазам. Садится в кресло.

– Где..., где. У матери своей живёт. Пусть она его воспитывает и, смотрит, какого сыночка вырастила.

– А получку ты у него отбираешь, или сам приносит?

– Как же...! Я на работу ходила, написала заявление и его зарплату мне лично на руки выдают. Так – то вот! Спасибо директору.

– Ну, и стерва же, ты. Мать его на свою пенсию будет кор-

мать, да? Вот одумается твой мужик и найдёт себе бабёнку покладистей, завоешь по – другому.

– На хер он кому нужен алкаш, пропойца. Его ссанные штаны стирать...?

– Вот хер его как раз и нужен и зарплата, а ты будешь иметь 33% алиментов на двоих детей. Как перспектива? И сама ты в тираж вышла. Посмотри на себя. В огороде тебя вместо чучела поставить, ни одна ворона не сядет.

– Александр Кимович! (в голосе дрожь, на глазах слёзы). Вы всегда обо мне так думали или я плохо выгляжу? Так зачем старшей медсестрой позвали? Работала бы в операционной, да работала.

– Тань, ты меня извини, конечно. Но молодость твоя... какая? Не твоё ли выражение – Хер ли нам красивым бабам не еб... ся и не жить... а? Сколько неприятностей ты лично мне доставила? Не помнишь? То с больным связалась. Он тебе джинсы за 220 рублей купил. То мужика отбила, квартиру даже сняли. Мне мать той женщины, тут, во дворе больницы, собиралась морду набить, за то, что я блядство в отделении развёл. Я вас тогда ругал? И когда ты на работу в 10 утра по чёрной лестнице, кралась в операционную... думаешь я не знал? Я вот только не пойму одно. Почему все вы ловкие девчата, как устроитесь в жизни, Святошами становитесь? Тебе ещё повезло. Вспомни подруг своих. Где они и что с ними?

Плачет, тихо, горестно. Самому стало жалко. А медсестра

она, конечно, лучшая, что и говорить. Тяжело мне было бы без неё. Судьба у неё тоже не простая. Из многодетной семьи, достатка там никогда не было. Отца убило на шахте. Да и с мужиками... Кто приласкает... Ну, что такого?

– Александр Кимович (переходит в наступление)! А кто нас учил? Мы все Ваши прибаутки выучили. И про святош..., и про монаха..., и кто оперирует по понедельникам..., и что блядство не порок..., и что из-за вас блядей и я не в почёте...

– Хватит, Тань. Продуктивного разговора у нас не получится. Кости мои вы тоже до бела перемыли. Лучше иди, потряси сестру – хозяйку. Мне сегодня утром сказами, что комиссия по списанию барахла будет. Пусть всё приготовит, пометит бельё, спрячет неиспользованное, а мне список, что имеется в недостатке. Будем потом вместе крутиться. Да, принеси истории Виктора Павловича, сделаю обход. И ещё, чуть не забыл, вечером поедем к нему домой. Ты с женой поговоришь, а я его отъебукаю. Про сульфозин, не сморозь ерунды. А мужик, Тань, у тебя работяга, детей любит и тебя, шалаву, тоже. Так что гонор свой поубавь от греха. Понятно?

– Да что тут понимать. Вот снимут Вас с заведующих и нас разгонят. Вы уж осторожней с начальством. И хирургам вашим труба будет. Многие на Ваше место метят.

– Тань, я особенно и не переживаю. Уберут, так уберут, что поделаешь.

– Вам «что поделаешь». А нам что делать, как быть?

P.S. Зарплату так и не дали в течение 9 месяцев. Медицинские сёстры падали в обморок, голодный на дежурствах, хирурги запивали. Сволочное время. Но остались, живём, работаем. Опять, как с блядством и пьянкой... почему???

Вся истина в спирте

– Это водка? – слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

– Помилуйте, королева, – прохрипел он, разве я позволил бы себе налить даме водки?

Это чистый спирт!

М. Булгаков

«Мастер и Маргарита»

Уважаемые товарищи и господа, врачи и пациенты! Я задаю вам чисто риторический вопрос. Зачем в хирургии нужен спирт? Высокие лбы и лысые головы, ответьте мне, старому хирургу, зачем...? Сейчас предвижу банальные ответы – антисептик. От более продвинутых – лекарство. От очень умных – он не нужен. А вот ВЫ и неправы. Правды в этих ответах 15—20%. Для умных... У вас будет ездить машина без моторного масла? Тогда молчите. Чтобы понять суть и важность этого вещества, надо проработать в хирургии минимум 25 лет.

Тогда вы поймёте, что не будь спирта, не было бы хирургии. Не знаю как в других странах, а в России и странах бывшего Союза, это однозначный ответ. Терапии и её подобным отделений, касаться не будем. Слабые люди, использующие спирт не по назначению. В хирургии спирт это валюта на все времена! Доллары и фунты тут не катят. Инфляции нет. Ев-

ро плачет. Персидский эскулап Ар-Рази и итальянский монах Валентиус – вот основоположники хирургии. Интересно, греки, Н. И. Пирогов и Теодор Бильрот, знали об этом? Очень сомневаюсь... Теперь к делу и по существу.

У Вас в отделении хирургии перегорела лампочка, потёк кран, забились унитазаы, раковины и, не дай БОГ, прорвало отопление. Событие равное поступлению больного с ножевым ранением. Что уважаемые вы будете делать? Ну не вы лично, а старшая медсестра. Всё правильно. Будет искать дядю Васю или дядю Петю. Этих незаменимых людей надо знать в лицо и главное, где они будут с утра. Вовремя застать, пока не будут перехвачены «слабыми людьми», ибо потом их, Васю или Петю самих хоть в патрон вворачивай. Не в те руки попали... Они всё сделают, устранят, прочистят. Каждый труд должен быть оплачен.

А вы не главный врач, который солидных людей нанимает за копеечную плату, да и ту выдаёт раз в месяц. Расчёт строго на месте и в твёрдой, извиняюсь, в жидкой валюте. Номинал работы. Запоминайте молодёжь и не хирурги, «один по плечики». Для умных – это 100 граммовый флакончик спирта ДО горлышка. Поменять перегоревшую лампочку, отремонтировать потёкший кран – один по плечики. Прочистить забившуюся раковину, унитаза – иголки, инструменты, салфетки и прочее – цена отдельная и умалчиваемая старшими сёстрами. Вынести покойника, ночью, зимой в морг и не положить лицом вниз, привязать бирку – 2 по плечики

и не меньше. Дядя Вася будет доволен и дежурные благодарны.

Другой, очень хитрый вопрос. Куда деть ампутированную конечность? Умные, муфельных печей в российских больницах нет и не было НИКОГДА. Куда эти части тела деть? Похоронить у себя в огороде, на могилках своих родственников? Хозяина, с большой долей вероятности, донесёте позже. Сжечь, придать огню. Угольные котельные – подходящий крематорий. Цена вопроса? Сгорает долго, вонь. Четыре по плечики как минимум. Сразу оговорюсь. Акушеры и гинекологи, вам этот способ не светит ни за какие «по плечики». У дяди Васи есть КОДЕКС, а это не клятва Гиппократа. Детей не жечь! Ведро с водой у кресла и больничный сад. Про 500 граммов, я закрываю глаза и уши и... молюсь!!! Не хирурги, не ешьте яблоки в больничном саду. Вы заметили, что никогда акушер не сорвёт это яблоко. Мотайте на ус. Старые сёстры приходят в больницу и плачут. С чего бы? Греховодницы... ГОСПОДИ ПРОСТИ МЕНЯ ГРЕШНОГО. Не буду уточнять для чего и сколько, обходится ремонт в отделении, установка и поверка оборудования, взятие на стерильность материала, посев воздуха, смывы в операционной, перевязочной, процедурной. Главное и сложное! Но для этого надо иметь ум хотя бы Злет обучения в МФТИ. Будущие Ландау, Басовы и Прохоровы, успокойтесь. За это Нобелевскую премию не дают. Не хирурги и умные, попробуйте получить 1 килограмм спирта зимой в 20 градусов мороза

и летом в 30-ти градусную жару. Какую ёмкость возьмёте? Не напрягайте извилины. Смиритесь, Вас всё одно намахает хитрый аптекарь. А хирурга или старшую отделения – шиш. Он зараза будет сидеть в погребке и отольёт мне в специальную помеченную посуду ровно столько, сколько положено. Запомните – столько, сколько положено, согласно всем физическим и химическим законам!!!

Теперь о том, в чём вы правы, но не имеете никакого понятия. Запах, вкус и градусы спирта. Как лекарства, а ни в коем образе антисептика. Поверьте моему личному опыту. Принятием спирта по утрам, после операций, выпивающим его в продолжение пьянки и употребляющим при хвори. Нет сейчас того спирта. В фабричных упаковках, по 100 грамм, а запах... Фу... без выдоха. Из опилок он, как говорил незабвенный Владимир Семёнович. Для умников.

Закончилась хирургия тогда, когда стали делать спирт не из пшеницы. Не надо всё валить на министра, национальные проекты, модернизацию, низкую зарплату, инфляцию и даже на компьютеры. Верните настоящий спирт!!! Всё будет построено, всё оборудование заработает, люди нас зауважают. К кому только обратиться? К Медведеву – он чудак и либерал, к Путину – он кэгэбэшник и спортсмен. С Ельциным язык бы нашли точно, но сами понимаете... Умники, не занимайтесь хернёй. На вас одна надежда. Слушайте старших и ищите буйных среди своих... Опять Владимир Семёнович – нету буйных – нету вожаков. За умного, буйно-

го и пьющего!!! Хирургия не подведёт!!!

P.S. Умники и не хирурги, я НЕ ПИШУ о спирте, настойке боярышника, стальника, пиона и прочей лабуды... ЧИТАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО!!!

О жёнах...

*В селах Рязанищины, в селах Смоленщины
Слово «люблю» непривычно для женщины,
Там, бесконечно и верно любя,
Женщина скажет: «Жалею тебя».*

Слова Ф. Лаубе

Запил... или выпиваю? Отпуск, телефоны отключены. От звонка в дверь вздрагиваю. Что за жизнь?

А. К. – зам. Главы администрации сломала руку, править надо.

– Скорую посылай, сейчас подъеду.

Приезжаю. Надь, куда тебя хер нёс? Климакс, кости все светятся, одна шкурка осталась. Делаю обезболивание.

– Саша, петуха загоняла. Он в другой курятник повадился ходить. Споткнулась и упала.

– Это тебе наказание, за блядство. Не хер на других мужиков заглядываться.

– Саш, мне 57 лет. Я на пенсии. А одной жить боязно. Привела бы мужичка, такого как ты, если повезёт.

– На х... ты кому нужна (Жадина. В районном бюджете ни копейки на местное здравоохранение).

Правлю руку, накладываю лонгету. Контрольная рентгенограмма.

– Через 3 – 4 дня позвонишь. Где давит, поправим лонге-

ту. Холод на руку. Ты поняла? И на косынку.

Еду в Скорой, домой. Во, бляди!!! Всё улавливают. Что женат был много раз, уходил. Или меня бросали...?

Первая жена – невропатолог. Смотрит мне в глаза и брешет. Ёлки-палки. Хирурга можно обмануть? Перетоптали все кусты вокруг СГМИ. Иголки, пиявки... На мне ни одна пиявка не присасывалась. Поняла, уехала. Что нашла? Дочку. Люблю, как всех жён вместе взятых. Характер тот ещё, в лопухах сделана. Папку проводит, моя копия. Старая, замуж не вышла. Купила квартиру в ипотеке, папка платит... Любовь... да и жалко. С матерью жить не захотела, моя кровь.

Вторая жена – гинеколог. Учил. Лапаротомия, – «как в себе в карман». Экстирпация матки – мочевого пузыря, сосуды, ушивание. Деньги ей. Мне нужна эта баба?

Третья жена – офтальмолог. Бассейн, машины. А трахать – как колода, всё думает. О чём? Что я деньги буду приносить... Какие и от кого? Дура. Еду с Азова, ночь. Вижу фонари от велосипедов, по всей дороге. Тормоз, ручник, ухожу в кювет. Остановился, весь на нервах. Саша, что произошло? Ни хера... Едем дальше.

Про шалав не будем. Опермедсестра. Мужик умер от пьянки. Одна. Куда её дену? Живи. Дом ремонтирует. А денег нет. Мне не жалко, даю. Французские духи, бриллианты, золото. Радуетя как ребёнок. И я радуюсь... Смотрю на ласточек, в клюве, и к гнезду. А что натерпелась, я не го-

ворю о мате, из блядей никогда не выходила. Повезло, мне. А ей? Хотел купить кольцо. А пальцы... всё повело и руку. Я тоже, в левой, не могу держать пинцет. Поставила бутылку коньяку и ушла, копает картошку. Целует, жалеет. Ухожу, слёзы на глазах. Хирурги, выбирайте жён!!!

«Кладбище» хирурга

У каждого хирурга есть свое кладбище, на нем кресты, памятники, замшелые холмики. Под каждым из них не только покойник. Рядом с ним, вместе с ним кровь, пот и частица души хирурга (Аркадий Тимофеевич Лидский). Оппонентом в Древнем Риме назывался человек, в обязанности которого было бежать у колесницы Цезаря, возвращавшегося с победой в Рим, и выкрикивать ему всяческие хулы и порицания, перечисляя всевозможные его недостатки, дабы он не возгордился (Алексей Николаевич Крылов). Слова понятные и смысл их тоже. Следуя им, хирург обязан посещать кладбища, видеть и оценивать свой труд в реальном месте (реальней не придумаешь) и думать, что успехи запоминаются, а промахи, неудачи слишком быстро забываются. Надо напоминать. Всё так. Но кто из хирургов любит ходить на кладбища в городе, посёлке, где он живёт и работает? Покажите мне его... Я, лично кладбища не посещаю, даже в религиозные праздники: ПАСХА, КРАСНАЯ ГОРКА, Родительские субботы и т. д. Нет, я приезжаю на могилы родственников в будний день, прибираюсь на могилках, приношу цветы, зажигаю свечи, бывает и выпиваю пару стаканчиков, но всё реже. Знаю место, где буду лежать «под травкой». Это обычная ситуация. Как я отношусь к смертям своих пациентов, которых оперировал, лечил? Да простят меня

коллеги – НИКАК. Сделав более 20 тысяч операций, беря иногда, а порой и часто, совсем бесперспективных больных с заведомо известным исходом, летальность, ясное дело, будет высокой. Молодёжь обижалась, не даёт руку набить. А я щадил их психику. Им в след ещё не приходилось слышать «Убийца, ты моего сына или мужа зарезал...!!!». Не объяснишь всем и сразу «Ещё наслышитесь». Зачем? Если взять, по – скромному, 1,5 – 2% летальность, то это уже 400 смертей. Только после операций. А всего? Уже не до шуток. Есть смерти, которые остаются в памяти навсегда. Вот умерли у меня два 5-летних мальчика и девушка 19 лет от острого аппендицита, как забудешь. Девушку, после 3 операций, везу на каталке в реанимацию, она смотрит на меня и говорит – «Как я Вас ненавижу». Я и каталку чуть не опрокинул от потрясения.

Умерла, хоронили в подвенечном платье, гроб остановили около поликлиники, где я в то время принимал больных, и заиграли не Шопена, сонату №2, а деревенскую, духовую с тарелками и плачем с причитанием родственников. Куда бежать? Теперь, зачем далеко ходить. В этом году у меня 6 смертей. 3 лапаростомы – 3 смерти, острый панкреонекроз и 2 тромбоза мезентериальных сосудов. Привезли с АД на нолях, через 2—3 часа смерть. А дочь больной с лапаростомой через пару недель впала в психоз. Закрывает мать своим телом, орёт на меня «Изверг, уходи. Не дам перевязывать мать». Пришлось вызывать других, более адекватных

родственников по уходу за больной. Такие вот «пирог с котятами». На сайте реаниматолог Н. С. Прокопенко коснулся краем этой темы. Кто скажет правду? Скажи, что думаешь, и вправду извергом сделают. Коллеги, судить себя мы будем сами, а Высший суд там... и ещё не известно, куда попадут наши больные и мы с вами. А тема поганая, о всём не поведаешь, многие просто не поймут.

Мрачно пишется... Может устал?

Я не могу спокойно читать статьи, смотреть фильмы про хирургов. Неплохие журналисты, режиссёры, а пишут ересь. Не знают всей подноготной в хирургии. Смотришь на сытые, довольные морды «хирургов», читаешь об их «золотых ручках» и думаешь – «Дурак, над тобой будет смеяться вся хирургическая братия. Неужели не понимаешь?». Не писать простым людям о хирургах и врачах!!! Пусть хирург скажет о другом хирурге. Это будет честно, справедливо, без сюсюканья и лживой лести. Тяжёлые мы люди, такая работа, что сделаешь. Но правда, она не бывает сладкой. Н. М. Амосов сказал «Хирург должен быть тощим и злым». Про себя...!? В этом что-то есть.

О старых хирургах...

Почему все не любят старых? Я не говорю сейчас о родителях или пациентах. О Коллегах! Врачах, чей возраст уже перешагнул пенсионный, а они всё ходят и ходят на работу. Да, ещё раньше других! Это только о хирургах. Нужны они и зачем? Понимают ли они сами. Оценивают ли своё положение? Не терапевты вроде! Лет 15—20 назад эти люди в отделениях были незаменимы. Сидит такой старичок в ординаторской, покуривает, играет в шахматы, иногда соблазняет нас выпить. Он же бывший заведующий, наш Учитель. Мы рады его видеть. Неясный больной...

– Шеф, посмотрите больного в приёмном? Что-то там есть, но непонятен...

Шеф идёт кряхтя, посмотрит...

– Ну, что мудаки, наложили в штаны? Здесь аппендицит. Оперировать. Не хер лясы точить.

Вот вам и УЗИ и КТ с МРТ. Берёшь, всё как на картинке. Легко, доступно и старик при деле.

Ночью на операции перитонит, резекция кишечника. Анастомоз наложить или стому выводить? На скорую – Привезите шефа. Пусть глянет одним глазком. Зайдёт, держит маску рукой у рта.

– Анастомоз, дренажи. Учил тебя дурака, вижу толку мало.

Уходит. А мне легче. Ей БОГУ, легче.

Сейчас и я дожил до этого возраста. Общий обход хоть не делай. Как меня можно обмануть? Захожу в палату, сразу вижу – с этого деньгу срубили, с этого ещё нет... Мама родная, открутил бы вам сукам голову. Дырокольщики херовы. Уходить надо, мешаю и не только им, но и руководству. По – большому счёту, не нужен. Может 3—4 раза в год. Прикрыть их жопы, когда совсем обгадятся.

Хотя есть и умные, дальновидные хирурги. Недавно имел беседу с очень известным хирургом, почти моего возраста. Отработал очень успешно. Срок хирургической жизни, как ни крути, около 25 лет. Вовремя сориентировался, стал эндоскопистом. Создал отделение – чудо. Чистота, спокойно, никакой суеты, всё по плану. Аппаратура – одна Япония, мониторы... Позавидуешь! Сидим, пьём по рюмке чаю. Смотрю, у него на столе фотокарточка двух прелестных близняшек. Спрашиваю:

– Внучки?

Отвечает:

– Нет, две дочки. Вот на старость утешение.

Я чуть и рюмку не выронил

– Ну, ты даёшь!!! До 100 лет собираешься жить? А работать?

– Вот и кручусь. Видишь. Курить бросил, велосипед, бассейн. Ургентность теперь очень редкая и то по великой просьбе.

Уехал. Сижу в машине и думаю. А я, дурак, в жизни что видел? Семья как-то сама по себе, дети тоже. В школе, когда учились, был, может 1—2 раза. Дневники никогда не смотрел. В институтах не помогал. На работе одни гнилые животы. Ни одного праздника как человек не отметил. Всю жизнь на ургентности. Откуда только не сдёргивали: с жены, с любовницы, свадеб, кино и театрах... О ночах не будем. Здоровья нет, нервы – ни к чёрту. И сейчас, приедут дети, денег дашь – вроде долг исполнил. Ни поговорить, по душам... Да разве они что расскажут?

Современная диагностика уничтожила стариков, стандарты сделали их советы бесполезными. Ни риска, ни творчества... Херня, да и только.

Вот и молодёжь. Покрутится в хирургии годок другой и начинает клянчить:

– А. К., устройте в клиноординатуру... да в центр. У Вас же есть связи...

Я ему пожелаю своей судьбы? Нет.

Устраиваю. Дальше, когда приезжает

– А как мне освоить лапароскопические операции?

– В чём проблема? Ходи на операции, дежурь...

– Да не будет сертификата, а за него надо деньги платить.

А у меня откуда? Жена, ребёнок... Концы с концами не сводим.

Вот жизнь настала! Одно радует. Может быть, молодые хирурги будут жить дольше, богаче? У них к 60 годам не бу-

дет болеть шея, сводить и неметь руки. Но что-то я подозреваю, что народу легче не станет. За «спасибо» или бутылку коньяку, даже смотреть не будут. И нас не будет... Страна, РАССЕЯ – как ты нас кинула!!!

Цветной слух

Зима. Вечер. Занятия в школе закончились. Я бегу к своему другу Аркашке Гинсбургу. Они с матерью, тётёй Соней, отцом, дядей Мишей и сестрой Идой живут на втором этаже в коммунальной квартире дома купца Жаднова. К дому подхожу на цыпочках. Слух у тётёи Сони ещё тот, она меня слышит за версту. В квартире свет, Аркашка пиликает на скрипке, тётя Соня стучит по пианино.

– Аркаша! Куда твои уши смотрят? Где твой первый палец? Русский способ! Не сгибай кисть! Твой друг Шура уже под окном.

– Услышала. Во! Даёт...!

– Аркаша, закрой рот. Ты плохо слышишь, звук в твоей глупой голове не задерживается и пролетает. Сколько мне тебе об этом говорить?

Одна еврейская семья на весь Болхов. Дружат с моими родителями, а мы с Аркашкой. Они из Ленинграда и мой отец ленинградец. Он жил на Фонтанке, они на Васильевском острове, рядом с кинотеатром «Гигант».

Тётя Соня мне говорила: «Шура, я коренного ленинградца узнаю по голосу, шагам. Мне даже не надо его видеть».

– А если папка будет пьяный? Узнаете?

– Шура, сынок, это не имеет значения. Узнаю, даже ещё быстрее.

Моя мать тоже узнаёт, когда отец пьяный, издалека..., но она его видит. Чудеса...

Аркашка на полгода старше меня, но больше в два раза, учимся в разных классах. Я в «А», он в «Б». Задания на дом одинаковые. У Аркаши плохо с арифметикой, но пятёрка по чистописанию. Я решаю примеры в уме, но чистописание никак... Дома сёстры младшие не дают хорошо написать и меня учительница оставляет после уроков, чтобы я писал предложения, буквы с нажимом и не залазил за разлинованные полоски. Чернилами, школьным пером. И без клякс! Тетрадь оставляла в школе. Аркашки за пятёрку по арифметике мать даёт 5 рублей, мне хрен, кто что даёт. Дневник никто не смотрит, все работают. Домой поздно с работы приходят. Не до меня. Я решаю за Аркашку примеры, на деньги покупаем конфеты «подушечки».

У Аркашки врождённый абсолютный слух. Так сказала тётя Соня.

– Тетя Соня, а есть слух ещё лучше?

– Шура ты такой любопытный! Есть, но это горе и почти сумасшествие. У дяди Аркаши, моего брата Фимы, был такой слух. Он умер от голода в блокаду. Отца твоего взяли в Армию, а его нет. Плохо со зрением. Остался! Как мы его не уговаривали! Не могу себя простить. Появляются слёзы.

Перевожу разговор.

– А как это, лучше абсолютного?

– Шура, когда ты чувствуешь запах, ты можешь узнать, что твоя

мама готовит – картошку или щи?

– Ещё бы! Даже чую когда с луком, а когда с салом.

– Вот Шура, а теперь представь, что человек слышит звук, любой. И что он видит? Краски, цвета, образы, картины. Плохо, когда ты голодный, а тебе всё время чуется запах картошки?

– Да, не хотел бы я быть таким. А что делать? С картошкой понятно. Её надо найти и поджарить. А с музыкой...?

– Сразу видно, ты умный мальчик. Играть Шура, играть и на хорошем инструменте. Это очень важно! Где сейчас найдешь приличный инструмент? Мы купить не сможем, а скрипка Фимины пропала. Шура, ты будешь врачом, как твоя бабушка. Это я тебе говорю, тётя Соня. А я никогда не ошибаюсь.

– Тетя Соня, я буду шофёром, как отец. Буду ездить на «ЗИСу».

– Нет! Папе с мамой не дала выучиться война, а ты, закончишь медицинский институт. Врач очень хорошая профессия. Аркадий врачом не будет, но если займётся собой, музыкант из него получится. Лентяй, 3 позицию никак не освоит. Аркаша, ты меня слышишь?...

Аркаша выбегает из дома. Так, вместо пяти рублей он получил 2 рубля. Соня вычла 3 рубля за двойку по контрольной. Бежим в магазин.

– Аркаша, покупай «подушечек» на рубль. Другой пригодится, когда ты двойку опять получишь.

Покупаем конфет на рубль. Бежим за сарай в своё укромное место. И едим эти конфеты. Слаще нет ничего в мире. Я смотрю на звёздное небо, тишина, еле слышен какой-то звук и падают звёзды.

– Аркаш, у меня тоже цветной слух. Слышу музыку и синеву от звезд.

– Шурка, это самолёт двухмоторный. Они часто по ночам летают.

Съев конфеты, облизываем бумагу, пальцы. Аркаша говорит мне о инструменте, 1 пальце, 1 позиции на струнах, о пятой струне на скрипке. Я слушаю молча. Это не примеры решать. Большой палец не считается, а указательный – 1 палец. Может 5 струна и есть большой палец? Пойди, пойми.

– Всё, идём спать Аркаш, завтра я за тобой зайду.

Расходимся.

Уезжали они неожиданно, осенью. Дядю Мишу переводили на работу в Ленинград на какой-то завод. Они пришли к нам проститься. Отец диктовал тёте Сони адреса родственников. Она записывала. Мать собирала подарок из того, что есть в доме. Мы с Аркашкой стояли во дворе. Я плакал, стиснув зубы. Не плакал когда бил отец, ребята на улице, а тут плакал. Аркаша плакал навзрыд, не стесняясь. Протягивает мне целый кулёк с «подушечками»

– На, ешь.

Я достаю из кармана телогрейки складной ножичек. Зависть всех пацанов на улице.

– Возьми на память. Мать тебе такой не купит.

Подходит тётя Соня.

– Аркаша пошли.

Берёт его за руку. Целует меня в щёку.

– Шура, ты будешь врачом. Вспомни потом тётю Соню.

Уезжают. Машина была уже загружена. Я тихо, вытирая слёзы и держа кулёк в руках, иду домой.

Прошло время. Я закончил 10 классов и... поступил в мединститут. Стал врачом. Врачами стали и мои дочери. Тётя Соня! Как ты услышала, увидела, что я стану врачом? Это когда я орал под окном «Аркаша, выходи на улицу»? И понимаю. У тёти Сони был цветной музыкальный слух. Как ей было тяжело! С ума не сошла! Тётя Соня... Тётя Соня...!!!

Р. С. Цветной слух или фонопсия – явление синестезии, при котором два чувства – зрение и слух – связываются воедино. Человек, обладающий цветным слухом, слушая музыку, видит или воображает цветовые зрительные образы, которые могут вторгаться в реальное видение мира. Таких людей называют синестетиками. Речь идёт о некой связи абсолютной высоты музыкальных звуков и/или тональностей с определёнными цветами. Следует различать зрительное восприятие, образность мышления и собственно цветной слух: образностью мышления в той или иной степени обладает каждый человек, тогда как синестетический цвет-

ной слух явление довольно редкое, и, по словам некоторых современных музыкантов, обладателей такой способности, – довольно неприятное и трудноконтролируемое, главным образом из-за повышенной чувствительности к окружающему человеку в повседневной жизни информационному шуму.

Синестетиками в музыке были Скрябин, Римский-Корсаков, Чюрлёнис и Мессиан, из наших современников – Томас Кёнер (нем. Thomas Köner) или недавно погибший при трагических обстоятельствах Джон Бэланс из Coil. Они воспринимали или воображали тональности окрашенными в определённые цвета. Например, симфоническая поэма Скрябина «Прометей (Поэма огня)» была задумана композитором со специальной исполнительской строкой «Luce» (то есть «Свет») и исполняется иногда с использованием светомузыки. Музыкант и художник М. Чюрлёнис пытался передать в своих картинах недоступный этому жанру мир музыки.

6 граммов в сердце...

(из цикла о чёрных хирургах)

*Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне и неспроста —
Я не люблю насилие и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа.*

В. С. Высоцкий

День выдался плохой с самого начала. Операции, смерти на столе... Невезуха. На душе херово. Работа – операции или операции – работа. А может, просто, бабло сшибаешь? Вот сказали бы – уезжай. Уехал, ушёл, в чём есть. А идти некуда. Квартала не пройдешь, шёлкнут в один момент, это запросто. Курим, короткий передых. Анестезиолог куда-то смылся. Крученный. Всё объехал. Афганистан, Север Африки, Югославия... Интересно. Есть у него семья? Шифруется, думаю и имя своё придумал. Ассистент проще, что-то в семье не заладилось, переживает. И боится... У самого тоже всё разваливается. Семья... на ниточках отношения. На работе – избиение начмеда и угроза убить главного врача. Хотел на меня бандитов натравить, но ошибся. Я их на дому оперировал, мне и доложили сразу. Надо было уйти от греха. Грохнул его кто-нибудь, всё, на меня списали бы, свидетелей много.

Шум в операционной.

Анестезиолог кричит – Огнестрел, мойтесь.

Маска, руки в первомур, халат, перчатки. Входное отверстие чуть выше соска. Солдатик щуплый, как семиклассник. На аппарате. Вот бляди, детей на войну посылают! Торакотомия, в плевральной кровь, в полости перикарда тоже. Глазами ищу диафрагмальный нерв, рассекаю перикард, рану в сердце закрываю пальцем, удаляю сгустки. Кровь бьёт на задней стенке. Сквозное. Закрываю пальцами две раны. Вывихиваю сердце, швы на рану задней стенки. Шов раны левого желудочка на передней, вдоль, коронарные сосуды близко. Последний шов затянул, но не вяжу на узел. Кровотечение остановилось, сердце пустое, еле тикает. Катетер подключичный в полость левого желудочка, полиглюкин, массаж. Сердце заработало, сначала медленно, потом зачастило, но ритм есть. Завязываю последний узел. Сушу отсосом.

Анестезиолог – Пульс на сонных.

– Зрачки не поплыли?

Анестезиолог – Всё чики-чики.

Рана в диафрагме, кровь в брюшной полости. Лапаротомия срединная. Крови немного, желудок насквозь, селезёнка в дребезги. Спленэктомия. Ушиваю раны в области дна желудка и по большой кривизне. Шью диафрагму. Стоп, себе думаю. Осмотримся, спешка закончена. Странное ранение, вернее, ход раневого канала. Салфеткой сушу и прохожу по левому фланку. Вот она пуля, в теле грудного позвонка.

Удаляю. Даже не деформирована. Выстрел с близкого расстояния, почти в упор.

Анестезиолог – Начальник, мальчика убивали и по-серьёзному. На руках следы от верёвки. Руки были связаны. На са-мострела не похож.

– Сам вижу. На коленях со связанными сзади руками. От-тянули голову назад, да передумали резать шею, вот из Ма-карова и выстрелили сверху вниз. Приблизительно такой ме-ханизм травмы, судя по ранению.

Дренаж в брюшную полость, зашиваю брюшную стенку.

Ассистент – Шеф, и нас вот так шлёпнут. А может, ночью сонных постреляют?

Анестезиолог – Хер ты, молодой, угадал. Взорвут, в ма-шине на обратном пути. Случаи бывали.

– Хватит пугать людей. Оперсестра и так язык со страху проглотила.

Сердце работает. Сухо. Редкие швы на перикард. Лёгкое не повреждено. Дренаж вверх, вниз. ПХО огнестрельной ра-ны. Зашиваю торакотомную рану.

Анестезиолог – Пульс на лучевых, АД 80 на 0. Начальник, у тебя выживали огнестрельные ранения в сердце?

– Нет, может этому повезёт. Ты там посуетись. Уже по-ра заканчивать босоту всякую за бабло вытаскивать. Сделай хоть раз по-христиански.

Анестезиолог – Да хоть по-христиански, хоть по-мусуль-мански, хоть по-иудейски. С тобой по-христиански кто по-

ступал? Со мной? Про молодого не говорю... Ещё одумается.

Операция закончена. АД 100 на 60 мм рт. ст. На ЭКГ тахикардия, нарушение внутрижелудочковой проводимости, снижение вольтажа. Осторожно перекладываем раненого на каталку.

– Ты поддержи его на аппарате. Обезболь. Антикоагулянты есть?

Анестезиолог – Не учи учёного. У него гемодилюция. Эритроцит эритроцита не догоняет. Катит с анестезистом каталку. Тот весь день молчал. По-русски не понимает. Где его анестезиолог нашёл? Работает хорошо, не советская школа. На турка похож... Ну да хер с ним.

На сегодня всё. Может быть... Обмыться и спать. Осталось ещё 6 дней. В оставшиеся дни, ничего примечательного. Работа – операции или наоборот. Навещаю мальчика перед отъездом. Дренажи убраны, может садиться в кровати. АД 110 на 60 мм рт. ст. Тахикардия, 96 в 1 мин., ритм сохранён. ЭКГ – элевация сегмента ST незначительная в отведениях II, III, aVF, V1.

– Солдат, как тебя зовут?

– Паша.

– Как самочувствие, что болит?

– Хорошее, раны только болят.

– Выздоровливай. Возьми свою пулю, амулет сделаешь, оберег. Ты крещённый?

– Да, мамка говорила, что крестила ещё маленького.

– Перекрещиваю его. Ну, пока. Жму его детскую руку. Ухожу. Муторно, предчувствие плохое. Может... Да всё может...! БОГ должен быть? И ХРИСТОС!

Садимся в машину. Я впереди. Анестезиолога нет. Сука, опять задерживается. Слышу, кричит, оглядываюсь. Бежит, в руках две канистры 10 литровые с коричневой жидкостью. Такие, в которых антифриз продают.

– Канистры мне сюда, наперед. Открываю, нюхаю. Копьяк.

– Не много ли на четверых с женщиной?

Анестезиолог – Друзья..., сколько дали. Во все руки. Расчёт получили? Тогда валим отсюда.

– Выпивать будем за Ростовом, может за Новочеркасском или Новошахтинском. Посмотрим, как с транспортом.

Анестезиолог – А почему не за Харьковым, за Белгородом, а? В Дебальцеве лучше...

Трогаемся.

Анестезиолог – Начальник, на какой день умирают с огнестрелом в сердце? Ты видел ЭКГ?

– Если сразу не умер, то на 6—7 день. Прорезаются швы, тромбоэмболия...

Анестезиолог – Умрёт сегодня малец.

– Не каркай. Всё в руках БОЖЬИХ. Там есть кому за ним присмотреть?

Анестезиолог – Местная врач. Грамотная. Жалела маль-

ца. Я всё ей расписал, что и как.

Дорога плохая, молчим. Будет потом пересадка в Аксае. Выпивка за Новошахтинском. Каждый наливает себе, пьёт столько, сколько сможет. Без чоканья и тостов. Никому не нужные, да и ждать нас некому, если честно. Пожмём друг другу руки. Потом разъедемся в разные стороны. Мир большой, может встретимся... как было не раз.

– Начальник, и ты здесь! Работаем и оперируем или на оборот???

P.S. Прошло время. Опермедсестра наконец купила себе двухкомнатную квартиру.

Ассистент уехал в Польшу.

Анестезиолог повесился у себя на даче. Трезвый.

Местная женщина врач погибла. Случайно снаряд попал в машину, в которой она ехала с мужем.

Начальник, шеф на пенсии. Купил дом в деревне. С коллегами не общается.

Солдатик Паша... жив. Так думает хирург. БОГ ЕСТЬ, говорит он, но в церковь не ходит.

Возлюбил проклятие, – оно и придет на него...

Было это лет 6 назад. Поступает в хирургическое отделение больной с рожистым воспалением левой голени. Мужик видный такой, лет 40, высокого роста, работает лесником. Состояние тяжёлое: температура за 40 градусов, кожные покровы бледные, левая голень красного цвета, отёчная, с огромными геморрагическими пузырями и участками некроза кожи. Начинаю лечить – обработка, повязки, УФО, антибиотики внутривенно и внутримышечно, дезинтоксикация и т. д. Как всегда, заболевание нередкое. Какие трудности? Через сутки приходит его жена. Обычная, деревенская, без.... Ну, вы понимаете... Глаз не цепляет. Ветеринар по профессии, но не работает. Притащила с собой пенициллин, бициллин 3 из ветеринарного набора. Крайне озабочена, встревожена. В заболевании разбирается в пределах своей компетенции и образования. Разговорились. И во что она мне поведала.

– Я мужика этого отбила от жены и двух детей. Пока мы с ним погуливали, всё ничего. Потом забеременела, и он сам перешёл ко мне жить. Месяца через два приходит его жена к нам. Он уже с ней к тому времени развёлся, но детей навещал, давал деньги, покупал подарки. С ним она не стала разговаривать, а со мной поругалась и перед уходом сказа-

ла: «С ребёнком будешь маяться всю жизнь, а с моим мужем долго не проживёшь!». Через некоторое время уехала к родителям в другой район. Значения этим словам я не придавала. Зажили хорошо, по-людски, дружно. Дом подправили, мебель, машину «Ниву» 4-х дверную купили. Газ, воду провели. Муж ездил к бывшей, просил прощения. Что она ему отвечала, не говорил, ходил мрачный после поездки. Дня три отходил. Родила... У ребёнка к 3 месяцам диагностировали ДЦП. Крепко задумалась. Сошлось! Накаркала! Теперь мужик уйдёт от меня. Повезла мужа и сынишку к бабкам. Нашла очень знающую в этих делах женщину. И вот что она поведала – На твоём муже проклятие, снять я его не в силах. Отмолить нельзя. Есть одна, кто может, но дело это долгое, дала адрес. Специалист этот оказалась в Москве, очередь не пробиться, потом поехала за границу. Так до сих пор ждём. Ребёнка таскаю по врачам. Тула, Москва, а тут на мужа напасть. Не умрёт? Может к Семёновне...? Заговорить? Мне помогла рожу излечить на руке.

В деревне это обычное дело. Все рожу лечат у «бабок».

– Если считаешь нужным, заговаривай. Лечиться ему долго. Вот УЗИ вен сделаем, ещё некрозы иссечём. Отёк спадёт, раны долго будут заживать.

На этом и договорились. Днём он лечится в больнице, а вечером ходит на заговоры. Так пролежал 1,5 месяца. Отёк спал, язвы очистились, выписался на амбулаторное лечение. На перевязки приходил регулярно, через 10 дней. Всё шло

к тому, что язвы заживут и даже слоновости не будет. Осень, соседи стали его беспокоить – Выходи на работу. Мы без тебя дров в зиму не заготовим. Газ то довели до сельской администрации, а дальше за свои, кровные. А у кого в деревне деньги и немалые? А если дом за километр...? Выписал я его на работу. Через неделю слух – Убило Славку деревом, сразу, на месте, даже не шевельнулся, мозги наружу. Встречаю односельчан, спрашиваю: «Что произошло?». Рассказывают.

– В очередной раз повезли его в лес, чтобы показал, где и какие деревья валить. Он только пальцем показывал, что и как, остерегался, стоял у машины, далеко не отходил. Дерево повалили, но попалась сухая толстая ветка, сломалась, отлетела и ему прямо в голову. Всё. Вызвали милицию, прибежала жена, отвезли в морг, схоронили. Вот вчера на 9 дней поминали. Нет человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.